

Е. А. САРИЕВА

*Государственный институт
искусствознания,
Москва, Россия*

ELENA SARIEVA

*State Institute
for Art Studies,
Moscow, Russia*

**«ЧИТАТЬ ТОЛПУ».
МНОГОГОЛОСЬЕ
В РАССКАЗАХ
И. Ф. ГОРБУНОВА
и В. Ф. ЛЕБЕДЕВА**

АННОТАЦИЯ

Бытовой рассказ в классической русской литературе – динамично развивающийся жанр на протяжении XIX в. Как правило, это сценка, передающая разговор нескольких действующих лиц. Первым такие рассказы начал не только писать для журналов, но и исполнять И. Ф. Горбунов. Анализируя несколько сцен-рассказов Горбунова, автор приходит к выводу, что сюжет в рассказах намеренно сведен к минимуму. Сценки писались в расчете на исполнительский потенциал, чтобы поразить зрителей разнообразием интонаций, точностью жестов и использованием речевой характеристики для создания картины «в лицах». Стилистические и сюжетные средства литературных текстов напрямую были связаны с исполнительским стилем самого Горбунова, основанным на мастерстве речевых перевоплощений и импровизации. Продолжателем традиций Горбунова в этом жанре был артист Малого театра В. Ф. Лебедев, который в начале XX в. исполнял как рассказы Горбунова, так и собственные. Колоритно, выразительно и образно Лебедев выписывал «звучащие картины», где комические стороны жизни

**“READING THE CROWD”.
THE NUMEROUS
VOICES IN THE STORIES
OF I. F. GORBUNOV
AND V. F. LEBEDEV**

ABSTRACT

“Everyday story” in the classical Russian literature is a dynamically developing genre throughout the 19th century. As a rule, this is a short scene including the conversation of several characters. The first to write such stories and also performing them was I. F. Gorbunov. Analyzing several scenes-stories of Gorbunov, the author comes to the conclusion that their plot is deliberately minimized. The scenes were written according to the performance potential, in order to amaze the audience with a variety of intonations, precision of gestures and the use of speech characteristic to create a picture “in faces”. The stylistic and plot means of literary texts were directly related to Gorbunov’s performing style, based on the skill of speech transformation and improvisation. The successor of Gorbunov’s traditions in this genre was V. F. Lebedev, the actor of the Maly Theatre. At the beginning of the twentieth century he was performing both Gorbunov’s stories and his own. He presented “sounding pictures” vividly, expressively and figuratively. The comic sides of life were intertwined with the tragic ones, and the actor conveyed various voices and speaking

переплетались с трагическими и где артист детально передавал разные голоса и выговоры. По мнению автора, огромное значение при исполнении таких сцен имеет счастливое соединение в одном лице автора и исполнителя. Бытовые зарисовки и комические монологи Горбунова и Лебедева во многом определили стиль российских и советских эстрадных артистов разговорного жанра XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *эстрада, театр, И. Ф. Горбунов, В. Ф. Лебедев, разговорный жанр, бытовой рассказ, эстрадная сценка.*

peculiarities in detail. According to the author, the happy combination of the author and the performer in one person is very important for presenting such scenes. "Everyday stories" and comic monologues of Gorbunov and Lebedev largely determined the style of Russian and Soviet Estrada actors of the 20th century conversational genre.

KEYWORDS: *Estrada, theatre, I. F. Gorbunov, V. F. Lebedev, storytelling, everyday story, sketch scene.*

Во второй половине XIX в. на концертной эстраде появилась самая сложная разновидность бытового рассказа – сценка, передающая разговор сразу нескольких действующих лиц. О таких сценках в Малом театре говорили – «читать толпу». Этот термин, по мнению эстрадного драматурга В. Е. Ардова, был введен И. Ф. Горбуновым и в XIX в. определял и жанр, и характер исполнения [1, с. 45]. Иван Федорович Горбунов (1831 – 1895) – писатель, артист Александринского театра и незаурядный рассказчик – в совершенстве овладел искусством достоверно изображать нескольких человек сразу, в одном рассказе, мгновенно перевоплощаясь из одного образа в другой.

И. Ф. ГОРБУНОВ. ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ БЫТОВОГО РАССКАЗА

Как автор-рассказчик Горбунов завоевывал популярность в обеих столицах в начале 1850-х гг. Его выступления ждали в антрактах и дивертисментах, в бенефисах, на литературных вечерах, в благотворительных концертах, в дружеских компаниях. Для искусства Горбунова не нужна была сцена, составляющее существо театра действие, посредство режиссера, декоратора, костюмера, что совершенно точно отметил С. В. Максимов: «В любом частном доме, в каждой публичной зале стоило ему лишь подхватить, по усвоенной привычке, стул, поставить его перед собой и опереться на ручку, – и его сцена готова без рамп, без декорации – именно та его собственная сцена, на которой он чувствовал себя совершенно дома» [2, с. 175]. Самым главным оставалось живое слово, рассказ, исключительно его собственный. Рассказы рождались из конкретных наблюдений и живых слов, переживали целую череду импровизаций и доводились рассказчиком до предела текстовой сжатости и образительности. Ф. И. Шаляпин так вспоминает о своей встрече с Горбуновым за ужином у публициста Т. И. Филиппова: «Впервые видел я, как человек двумя-тремя словами, соответствующей интонацией и мимикой

может показать целую картину. Слушая его бытовые сценки, я с изумлением чувствовал, что этот человек магически извлекает самое существенное из жизни бузулуков, самар, астраханей и всех городов, в которых я бывал и откуда вынес множество хаотических впечатлений, отложившихся на душе моей серой пылью скуки» [3, с. 124].

Благодаря своему редкому дару, актерскому и литературному, Горбунов быстро стал настоящей звездой в жанре короткого рассказа, хотя репертуар его в то время был довольно скромным, состоял всего из нескольких рассказов. Первые жанровые сцены – «У квартального надзирателя», «Мастеровой», «Сцена у пушки», написанные и исполняемые Горбуновым, убеждают, что действие, сюжет сведены автором к минимуму намеренно, но театральная природа сцен чувствуется безусловно. Основным акцент делался на представление социальных типов и среды, характеризующих определенные общественные явления и национальные типы русской жизни. Если сцена «У квартального надзирателя» построена по драматургическому принципу, где действуют четыре персонажа (сам квартальный надзиратель, его слуга, купец и фабричный) [4], то сцена «Мастеровой» представляет собой диалог мастерового и хозяина [5], записанный в виде реплик. «Сцена у пушки» и вовсе состоит из односложных возгласов трех мужиков, спорящих около кремлевской Царь-пушки [6]. Отрывочные реплики, вложенные в уста персонажей, предназначены были для воспроизведения «в лицах», то есть с первых сцен определилась композиция, связанная напрямую с исполнительским стилем Горбунова.

Эти реплики-возгласы сам Горбунов определил как «перемолвки» и старался исполнять их «на все двенадцать голосов». За каждой репликой стоял определенный персонаж со своим характером, биографией и отношением к какому-либо событию или происшествию. «Он создал в репертуаре нашего театра особую драматическую разновидность – “сценку”, – по большей части диалог, который исполняется им одним, причем приходится прибегать для изображения разных лиц к постоянной смене мимики и интонации. <...> Сценки эти преимущественно взяты из народного быта и, как сам народ, полны добродушного юмора, хотя подчас переходят в меткую сатиру. Они связаны неразрывными узлами со своим творцом, их нужно слышать из уст его, и те, по крайней мере, которые напечатаны, в обыкновенном чтении много проигрывают», – отмечала «Книжная неделя» [7, с. 12].

Сцены, написанные в последующие 1850-е гг. и в период расцвета дарования Горбунова – в 1860-е гг., – сохраняют строение ранних образцов. Горбунов не описывал, скажем, захолустье, не повествовал о нем, оно все сквозило в репликах, спорах и рассуждениях действующих лиц. «Совокупность русского языка всех эпох и современного всех оттенков представляет богатый материал, – отмечало «Русское обозрение». – Этим материалом Горбунов сумел искусно воспользоваться. Он понял и оценил то свойство русского языка, что на нем можно выражаться на все лады, <...> Иван Федорович – основатель искусства *рассказывать*. <...>

Вся прелесть рассказов Горбунова заключалась не в анекдотической их стороне, а в языке» [8, с. 16]. С наступлением зрелости, с ростом актерского мастерства выработывался свой стиль, основанный на сочетании живой, гибкой мимики и правдиво звучащего слова. Из большого числа высказываний о мимике Горбунова в поздние годы самым убедительным остается свидетельство Ф. И. Шаляпина: «Образцом великого художника, который движением лица и глаз умел рисовать великолепные картины, может служить наш известный рассказчик И. Ф. Горбунов. В чтении рассказы его бедноваты. Но стоило только послушать, как он их рассказывает сам, и посмотреть, как при этом живет, *жестикულიруя*, каждая черта его лица, каждый волосок его бровей, чтобы почувствовать, какая в его рассказах глубочайшая правда, какие это перлы актерского искусства» [9, с. 102].

В массовых сценах «Утопленник», «Гролом убило» введены люди одного социального положения – крестьяне, но разных возрастов, характеров, темпераментов. Ни одно действующее лицо не названо автором по имени и никак не описано; ни одному не указано его место в действии, – и тем не менее каждое действующее лицо совершенно ясно, определено, характерно, внутренне и внешне вылеплено. Мы видим лица только потому, что слышим их речь.

Для того чтобы изобразить это живое многоголосье, причем в единстве, это яркое изображение лиц, типов, характеров, положений, действий при полном отказе от других художественных средств, слово доводилось до бытовой, социальной и психологической емкости. С другой стороны, необходимо было обладать совершенно исключительной способностью речевых перевоплощений. «Оказалось изумительным мастерство быстро изменять тоны голоса и попадать именно в тот, который наиболее обычен у изображаемого лица. В особенности поразительно было искусство вести целые разговорные сцены одного человека за многих и притом так, что из соседней комнаты обманчиво казалось, что беседуют между собою несколько лиц», – пишет С. В. Максимов [2, с. 163].

СОЦИАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СЦЕН И. Ф. ГОРБУНОВА

В перемолвке «Гролом убило» толпа крестьян собралась вокруг трупа неизвестного, убитого молнией после грозы. Бабы визжат, мужики боятся, что кого-то из них заподозрят в убийстве. Смятение и страх чувствуются во всей деревне: «Теперь и не разделаешься». После предупреждения «Становой!» – бабы падают на колени перед безвинным Петрухой: «Петрушка! Голубчик, не погуби! Все на себя прими!» [10, с. 277, 279].

Подобная ситуация в рассказе «Утопленник». Четверо крестьян и 7-летний мальчик вытаскивают из реки окоченевший труп купца и волнуются, как на это «дело» посмотрит становой: «Затаскают нас, братцы, теperича... Пожалуй, и в острог влетишь!». Решают «говорить все одно,

не путаться» – «Как вашей милости будет угодно, я этому делу не причинен» [11, с. 289, 291]. В этих рассказах Горбунов очень точно подмечает, как бедные крестьяне боятся огульного обвинения, боятся «влететь в острог», отсюда и запирательство. Настроение толпы быстро меняется от спокойного созерцания к живейшему участию, оно рисуется Горбуновым в виде выхваченных реплик, замечаний и восклицаний.

Иногда толпа возникает в рассказах в виде единого целого, охваченного общей волей и общими чувствами, когда остается один шаг до «бессмысленного и беспощадного», как, например, в сцене «Забытый дом» [12] или рассказе о фабричной стачке, сохранившемся в воспоминаниях графа П. Шереметева: «Горбунов изобразил стачку рабочих на одной из фабрик. Была здесь и толпа рабочих, вчера слушавшая новые речи, а сегодня рабски и покорно смирившаяся перед властью, и люди, предполагавшие, что их народ легко поймет и за ними последует, и наконец власть, явившаяся в сопровождении вооруженного отряда...» [13, с. 107].

Сцены из городского народного быта проникнуты таким же мягким юмором в изображении мастеровых, ремесленников, купеческих приказчиков, фабричных и т. д. В городе, так же, как в деревне, слепо верят во всеобъемлющую силу власти в царской России. Квартальный и городской являются помимо прочего еще и разрешителями всяких недоразумений, и усмирителями нервных настроений толпы. В одной из таких сцен – «Затмение солнца» – действие происходит в «московском захолустье», которое мало чем отличается от деревни. Начинается сцена с обозначения места действия: «Московское захолустье, одно из тех, где деревянные заборы, деревянные дома на каменном фундаменте и где древность первопрестольного града доказывается пребыванием на улице домашней птицы и свиней. На улице толпа». Народ собирается, так как «на небе неладно». Астроном-любитель пытается не пропустить затмение, заглядывая в трубку с закопченными стеклами, и поясняет несведущим о солнечном диске. К нему обращаются:

«– А вы про затмение докажете. Вы только народ в сумнение привели! Из-за ваших пустых слов теперича такое собрание!.. Городовой!..

– Вот он тебе покажет затмение!..

– Да, наш городской никого не помилует!»

Другой философски замечает: «Сколько этого глупого народу на свете» [14, с. 21, 22, 24].

Глупость и безграмотность обывателей, страх перед начальством, произвол полицейщины нашли воплощение и в других рассказах. В рассказе «Воздухоплаватель» квартальный арестовывает беднягу портного, собравшегося лететь на воздушном шаре на глазах у изумленной толпы. На что один из обывателей резонно замечает: «И как это возможно без начальства лететь?» [15, с. 27].

Суды и судейство составляли, видимо, излюбленный «предмет исследования» Горбунова. Он горячо поддержал судебную реформу, часто посещал

суды, многое запоминал и подмечал. Ему удалось выхватить и запечатлеть ряд живых и содержательных сцен, где судебное заседание оживало множеством действующих лиц – усердных посетителей судебных заседаний, свидетелей, присяжных, защитников, обвинителей и т. д.

Некоторые из рассказов на эту тему мы знаем только по воспоминаниям современников. Один из них – «Политический процесс», в котором ведется удивительно серьезное и до нелепости смешное разбирательство дела крупного государственного преступника, оказавшегося обыкновенным пьяницей. В памяти известного юриста и литератора А. Ф. Кони остались два других рассказа: «Самый блестящий из его рассказов в этом направлении – это рассказ о процессе, где свидетель, вызванный по делу, которое три года из-за него откладывалось, заявляет на предлагаемые ему вопросы: «Ваше сиятельство, я – человек пьяный!» По поводу одного, в свое время наделавшего шума, процесса, где случайно исчезло важное вещественное доказательство, он написал рассказ о мухе, поданной в бутылке «старого» вина и затем при составлении протокола припечатанной в качестве вещественного доказательства. Собеседники, которых он выводит в рассказе, высказывают искреннее желание, чтобы муха пропала: тогда им уже не придется фигурировать в суде...» [16, с. 45]. Не менее анекдотичен «Рассказ о брюках». В Петербургском суде разбирается дело об украденных из-под торговца на Александровском рынке брюках. После уморительных, решенных в пародийном ключе речей свидетелей и защиты суд решает кражу брюк недоказанной.

В 1880-х годах темы рассказов Горбунова претерпевают некоторые изменения. Крестьянская и купеческая среда вытесняется городской – чиновничьей, мещанской, фабричной средой. Он ищет своих персонажей на служебных заседаниях, на общественных торжествах. В эти годы, по мнению Е. М. Кузнецова, «Горбунов заговорил на темы начинающего Чехова – и притом совершенно в тоне и стиле ранних чеховских произведений» [17, с. 82]. Банковская среда обрисована в рассказе «Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности». Открывая собрание, председатель предлагает обсудить первый и главный вопрос – об увеличении содержания трем директорам, второй – о сложении с кассира невольных просчетов, третий – о предании забвению, ввиду стесненного семейного положения, неблагоприятного поступка одного члена правления, четвертый – о назначении пенсии супруге лишенного всех особых прав состояния кассира, и пятый – о расширении прав правления по личным заимствованиям из кассы. Совершенно неожиданно раздается чей-то возглас: «Ого!». Дальнейшие прения с тонкой наблюдательностью и иронией характеризуют разнообразный состав ораторов. В быстрой смене реплик, междометий слышатся отдельные голоса: «Стащил, вот тебе и естюция...», «В терминологии нашей юстиции нет слова: стащил...», «Отдай им сундук с деньгами, а они туда тебе, вместо их, бронзовых векселей наворотят...» [18, с. 249, 251].

В другом ненапечатанном рассказе Горбунов изображал фантастическое «Земское собрание» с речами и репликами ораторов, в котором решался вопрос о прибавке жалования уездной полиции. Некий заезжий из Петербурга чиновник держит пространную речь в защиту прибавки в 100 рублей. Парируя чей-то довод против нее, он рассуждает: «Наконец, эта сумма, по своей количественности <...> так ничтожна, так минимальна, что вряд ли ее кто-нибудь из господ станowych приставов и возьмет?». Гласный из крестьян, «преодолев навеянную речами дремоту и внезапно оживившись», порывисто вскакивает: «Батюшка!.. Становой?! Становой возьмет... Становой все возьмет!!!» [13, с. 54].

«ЗВУЧАЩИЕ КАРТИНЫ» В. Ф. ЛЕБЕДЕВА

Наиболее ярким последователем «горбуновского жанра», по мнению А. Я. Закушняка, был артист Малого театра Владимир Федорович Лебедев (1871–1952). Причем Лебедев – «единственный сохранивший на эстраде все очарование настоящего русского языка», чем он особенно близок Горбунову [19, с. 110]. В первой половине XX в. Лебедев оставался единственным рассказчиком, который строил искусство рассказывания сцен на погружении в стихию народной русской речи и непосредственных, наивных, бесконечно разнообразных русских интонаций.

Лебедев начал выступать в качестве рассказчика во время учебы в театральной школе при Малом театре (1904 г.), тогда же состоялся его дебют в Малом театре. Лебедев читал рассказы Горбунова, А. П. Чехова и Г. И. Успенского. Безукоризненная народная речь, зоркий слух на чистоту и правдивость этой речи, ее ритм – этого было достаточно, чтобы рассказы Горбунова звучали по-горбуновски, то есть социальная принадлежность, возраст, темперамент, характер, домysel и помysel передавались исключительно через слово. «Толпа в “Воздухоплавателе” или в “Затмении солнца” у Лебедева никогда не превращается в какое-то смехотворное собрание чудачков и мастеров нелепости. Это – настоящая толпа старого русского города, темная и добродушная, доверчивая, как ребенок, и суеверная, как старуха. Толпа живет у Лебедева, волнуясь и играя самоцветными переливами отдельных характеров и индивидуальностей, но не теряя своей цельности, своего общего “я”. Все это достигается только через слово, только помощью богатого и полного набора речевых оттенков и словесных красок», – пишет С. Н. Дурьлин [19, с. 17].

В 1900-е годы Лебедев выступал с короткими рассказами на литературных вечерах и в кружках. К этому времени относятся попытки Лебедева создать собственные рассказы. В 1913–1914 годы состоялось первое крупное турне по провинции (с участием балетной пары А. Кебрен и М. д'Арто), к которому дирекцией М. М. Вольского был выпущен буклет. Рецензии провинциальной прессы свидетельствуют, что наибольшим успехом пользовались

рассказы, построенные по принципу «перемолвок» Горбунова. Это «Сцены у памятника Гоголя в Москве» и «В переулке у казенки» (или «Разговор у казенной винной лавки»), где действует «русская толпа» и представлены различные типы.

Газета Харбина «Новая жизнь» отмечала, что «прочитанные им сцены “У казенки”, “У памятника Гоголю” – это маленькие шедевры, как в области декламаторского искусства, и со стороны художественности, как юмористических рассказов» [20, с. 10]. Смешна была не фабула рассказа (таковая почти отсутствует, как и у Горбунова), а смешны типы, выводимые в рассказе, их жесты, интонации, голоса. Колоритно, выразительно и образно Лебедев выписывал «звучащие картины», где комические стороны жизни постоянно переплетались с трагическими и где артист детально передавал разные голосовые тембры и выговоры. Как литератор он обнаруживал острый и зоркий глаз, позволяющий примечать и схватывать характерные черты, умело их комбинировать, чтобы «звучащая картина» получилась живой и пестрой, чтобы в ней чувствовалась смесь одежд и лиц, гул разнородных голосов и даже стихийный напор толпы, умеющей «память бока». Действующие лица говорили каждый по-своему, по-особенному, и из двух-трех оброненных фраз вырисовывался типичный образ. Бойкий говор московского «мастерового человека», окающая скороговорка нижегородского извозчика, горькое острословие босяка, осторожная заискивающая интонация крестьянина, неумолчный бабий «таратор», покрытая легким налетом полуинтеллигентной книжности «рассудительность» уездного телеграфиста, ритмичная речь бывшей крепостной старухи, где что ни слово, то находка для фольклориста, – все это в рассказах Лебедева оживало в полноте своей речевой звучности и бытовой выразительности.

В разговорах «постоянных потребителей казенной монополии» («В переулке у казенки») сквозила тонкая ирония над собственной бесцельной жизнью «бывших» людей, их грусть и трагедия утраченной нормальной жизни. Тут, как живые, стояли в очереди несчастные «люди дна»: умирающий алкоголик, веселый балагур, изъясняющийся по-французски, «бывший актер», забитая девчонка и «кавказец», рассказывающий небылицы о кавказском климате, «уровненные горьким подданством Хмелю». У них «звябкая речь»: словно обрывистые слова срываются не с языка, а их выстукивают зубы, выбивающие дробь от стужи, одиночества и тоски.

- « – А вот и графиня с дочкой пожаловали. . .
- Только вас не доставало.
- Бонжур, принцесс.
- С пальцем девять, с огурцом пятнадцать.
- Господа, зачем она девчонку привела? Ну, мы так, сяк.
- Пропавший народ, а зачем малого ребенка тащить. Эх!
- Господа, за это богу отвечать придется. . .
- Что ты за учитель – тут взялся? Тебе какое дело.
- Ты что за фельетоны тут размазываешь.

- Эх, господа, совесть надо иметь. . .
- Молчи, надоел. В листке печатай, а здесь тебе не редакция.
- Не любо – не слушай, а врать не мешай.
- Что блаженным-то прикидываешься.
- Его надо за язык дернуть, а то все будет чесать.
- Мели, Емеля, твоя неделя».

В этих «перемолвках» и «перебросках» словами видится будущая драма еще одной женской жизни. А дальше тихий голос в толпе рассказывает о «борьбе с зеленым змием» в Кирсановском уезде: «У нас, господа, в Кирсановском уезде, казенка удобно устроена. Значит двухэтажное здание прилажено: в первом этаже казенка, значит монопьяна – торгуют, а в верхнем этаже, значит, общество трезвости поместилось – очень способно» [21, с. 40–42]. Из этого вроде бы комического рассказа слагалась совсем не комическая история о народной трагедии.

Две большие сцены Лебедев посвятил открытию памятника Гоголю в Москве 26 апреля 1909 г. на Пречистенском бульваре (скульптор Н. А. Андреев). Он был установлен в честь празднования 100-летия писателя и вызвал большой ажиотаж. «Сцены у памятника Гоголя в Москве» никогда не были напечатаны, некоторые эпизоды сохранились только в записях С. Н. Дурылина. В первой сцене «Открытие памятника Гоголю» представлено само открытие с присутствием начальства, ученых, глав иностранных посольств. Все задерживает неистовствующий и напирющий народ, который рвется хоть одним глазком взглянуть на Гоголя. Пристав в ужасе кричит городовым:

«– Сидоров! Сдерживай! Игнатюк, гляди в оба!

Городовой откашлялся, смачно плюнул и заорал благим матом:

– Вам сказано: поинтеллигентней! Куда же вы к дьяволу лезете?

Другой городовой:

– Вышибай рабочих! Как их проглядели, чертей?!» [21, с. 36–37].

Во второй сцене «Суждения толпы о памятнике Гоголю» причиной переживаний стал сам открытый памятник писателю, непонятный ни для простых людей, ни для искушенной критики. Благодаря мастерской передаче жаргона, мимики, тонкой наблюдательности рассказчика зрители почти в деталях представляли себе всех действующих лиц. Люди, пришедшие «посмотреть на великого писателя земли русской, волею скульптора напоминающего фигуру “в женском положении”», спорили, рассуждали и осуждали [22, с. 4]. Были слышны голоса городских жителей разных социальных слоев: мастеровых, интеллигентов, мещан, околоточного и среди них – мычание мертвецки пьяного оборванца и беззубое шамканье старух, не знающих, надо ли креститься на памятник Гоголю. Ремесленник из мещан, душевный, мягкий, настроенный лирически, читавший Гоголя, недоволен памятником и обращается ко всем с вопросом: «Господа, позвольте спросить, зачем памятники stanовят? Вот гляжу на господина Гоголя, на его личность, и вместо праздника, я сам расстроился. На господина Гоголя жутко глядеть. Говорят,

что действительно, господин Гоголь были очень больны перед смертью. Но ведь не со всякой болезни можно партрет сымать. Памятник станowiąт для примера: вот, дескать, ровняйся с этим великим человеком! Дотягивай, гляди вперед. Ну да, он вел. А ведь на этого только панихиду можно петь, и уж больше сюда не завернешь, а будешь обходить подальше. Помилуй бог, во сне приснится! У нас в быту даже есть частушка, очень подходящая:

Гоголь, сгорбимшись, сидит,
Пушкин Гоголем стоит!» [19, с. 38–39].

Очевидно, что чем больше персонажей участвует в любой массовой сценке, тем разнообразнее толпа, и тем интереснее сама сценка. Быстрый переход из одного образа в другой никогда не дает полного и безусловного перевоплощения. Артист больше показывает, чем играет своих героев, а убедительность достигается в первую очередь точным использованием речевой характеристики, смысловой и игровой значительностью каждой реплики. Огромное значение при исполнении таких сцен имеет счастливое соединение в одном лице исполнителя и автора. Несмотря на большую степень преувеличения, невозможность показать персонажей во всей их психологической глубине, рассказы воспринимаются зрителями живо и достоверно.

Продолжая традиции «малых форм» рассказывания, заложенные И. Ф. Горбуновым и В. Ф. Лебедевым, приемом «перемолвок» пользовался артист театра и эстрады В. Я. Хенкин, меняя только ритм и интонацию речи для изображения нескольких действующих лиц. Кроме того, он дополнял свои рассказы имитацией звуков – струящейся из крана воды или щелчков компостера в руках у проездного контролера и т. д. В репертуаре А. И. Райкина был монолог В. С. Полякова «Гостиница “Москва”», состоящий из реплик 30 разнохарактерных персонажей, и т. д. Этот ряд можно продолжить. Таким образом, благодаря И. Ф. Горбунову и его последователям жанр короткого бытового рассказа раскрывался значительнее, разнообразнее, и разновидность рассказа – сценка – полноправно вошла в практику отечественной эстрады.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардов А. Е. Разговорные жанры эстрады и цирка. Заметки писателя. М.: Искусство, 1968. – 186 с.
2. Максимов С. В. Неподражаемый рассказчик // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 3. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. – 594 с.
3. Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни. М.: Книжная палата, 1990. – 464 с.
4. Горбунов И. Ф. У квартального надзирателя // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 32–39.

REFERENCES

1. Ardov A. E. *Razgovornye zhanry estrady i cirka. Zametki pisatelja* [Conversational genres of variety and circus. Writer's Notes]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1968, 186 p.
2. Maksimov S. V. *Nepodrazhaemyj rasskazchik* [Inimitable storyteller]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 3* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 3]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1907. 594 p.
3. Chaliapin F. I. *Stranicy iz moej zhizni* [Pages from my life]. Moscow: Knizhnaja palata Publ., 1990. 464 p.
4. Gorbunov I. F. *U kvartal'nogo nadziratelja* [At the quarterly overseer]. In: *Sochinenija*

5. Горбунов И. Ф. Мастеровой // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 30–31.
6. Горбунов И. Ф. Сцена у пушки // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 28–29.
7. Из литературного мира // Книжная неделя. 1895. № 12. РГАЛИ. Ф. 191 (Ефремов Петр Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 1916. – 53 л.
8. И. Ф. Горбунов // Русское обозрение. 1895. РГАЛИ. Ф. 191 (Ефремов Петр Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 1916. – 53 л.
9. Шалапин Ф. И. Маска и душа. М.: ВАГРИУС, 1997. – 320 с.
10. Горбунов И. Ф. Громом убило // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 277–279.
11. Горбунов И. Ф. Утопленник // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 280–291.
12. Горбунов И. Ф. Забытый дом // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 43–72.
13. Шереметев П., гр. Отзвуки рассказов Горбунова // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 3. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. – 594 с.
14. Горбунов И. Ф. Затмение солнца // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 21–24.
15. Горбунов И. Ф. Воздухоплаватель // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 25–27.
16. А. Ф. Кони об И. Ф. Горбунове: [Газетная вырезка] // РГАЛИ. Ф. 191 (Ефремов Петр Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 1916. – 53 л.
17. Кузнецов Е. М. Иван Федорович Горбунов. Л.: ВТО, 1947. – 112 с.
18. Горбунов И. Ф. Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности // Сочинения И. Ф. Горбунова: В 3 т. Т. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 249–252.
19. I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1 [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 2]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 32–39.
20. Gorbunov I. F. Masterovoj [Artisan]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1.* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 30–31.
21. Gorbunov I. F. *Scena u pushki* [Scene at the cannon]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 28–29.
22. *Iz literaturnogo mira* [From the literary world]. In: *Knizhnaja nedelja*, 1895, no. 12. RGALI. Fund 191 (Efremov Petr Aleksandrovich). Op. 1. Ed. hr. 1916. 53 l.
23. I. F. Gorbunov [I. F. Gorbunov]. In: *Russkoe obozrenie 1895.* RGALI. Fund 191 (Efremov Petr Aleksandrovich). Op. 1, Ed. hr. 1916. 53 l.
24. Chaliapin F. I. *Maska i dusha* [Mask and soul]. Moscow: Vagrius Publ., 1997. 320 p.
25. Gorbunov I. F. *Gromom ubilo* [Thunder killed]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 277–279.
26. Gorbunov I. F. *Utoplennik* [Drowned]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 280–291.
27. Gorbunov I. F. *Zabytyj dom* [Forgotten house]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 2.* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 2]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 43–72.
28. Sheremetev P. Gr. *Otvuki rasskazov Gorbunova* [Echoes of Gorbunov's stories]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 3* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 3]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1907. 593 p.
29. Gorbunov I. F. *Zatmenie solnca* [Eclipse of the sun]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 21–24.
30. Gorbunov I. F. *Vozduhoplavatel'* [Balloonist]. In: *Sochinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1.* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 25–27.

19. Закушняк В. Я. Вечера рассказа. М.; Л.: Искусство, 1940. – 392 с.
20. Вечер рассказов (импровизации В. Ф. Лебедева) // Новая жизнь. Харбин, 1913. 4 июня. № 142.
21. Дурьлин С. Н. Владимир Федорович Лебедев. Очерк творчества // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 65. – 101 л.
22. Макс-Ли. Вечер рассказов артиста Иммп. Малого театра В. Ф. Лебедева / Журнал «Студия». № 17. Москва, 28 января 1912 г. // Вечер рассказов (импровизации В. Ф. Лебедева. М.: Дирекция М. М. Вольского, 1913. – 12 с.
16. A. F. Koni ob I. F. Gorbunove [A. F. Koni about I. F. Gorbunov]. [Gazetnaja vyrezka]. RGALI. Fund. 191 (Efremov Petr Aleksandrovich). Op. 1. Ed. hr. 1916. 53 l.
17. Kuznetsov E. M. Ivan Fedorovich Gorbunov [Ivan Fedorovich Gorbunov]. Leningrad: VTO Publ., 1947. 112 p.
18. Gorbunov I. F. *Obshhee sobranie obshchestva prikosnovenija k chuzhoj sobstvennosti* [General meeting of the Society touching someone else's property]. In: *Sobinenija I. F. Gorbunova v 3 t. T. 1* [Gorbunov I. F. Works in 3 vol. V. 1]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vilborg Publ., 1904, pp. 249–252.
19. Zakushnjak V. J. *Vechera rasskaza* [Storytelling evening]. Moscow; Leningrad: Iskustvo Publ., 1940. 392 p.
20. *Vecher rasskazov (improvizatsii V. F. Lebedeva)* [An evening of stories (improvisation by V. F. Lebedev)]. In: *Novaya zhizn* [New life]. Harbin, 1913. 4 June. No. 142.
21. Durylin S. N. *Vladimir Fedorovich Lebedev. Ocherk tvorchestva* [Essay on the work of Vladimir Fedorovich Lebedev]. In: RGALI. Fund. 2980. Op. 2. Ed. hr. 65. 101 l.
22. *Vecher rasskazov artista Imperatorsko Malogo teatra V. F. Lebedeva* [Storytelling evening by artist of the Imperial Maly Theatre V. F. Lebedeva]. Moscow: Direkcija M. M. Volskogo Publ., 1913. 12 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сариева Елена Анатольевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания.
E – mail: easarieva@mail.ru
ORCID: 0000–0002–2883–773X

Сариева Е. А. «Читать толпу». Многоголосье в рассказах И. Ф. Горбунова и В. Ф. Лебедева // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 3. С. 154–165.
DOI: 10.35852/2588-0144-2021-3-154-165

Статья поступила в редакцию: 24.06.2021
Принята к публикации: 12.08.2021

ABOUT THE AUTHOR

Elena Sarieva – PhD in Art Studies, Senior Researcher, Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies.
E-mail: easarieva@mail.ru
ORCID: 0000–0002–2883–773X

Sarieva E. A. “Reading the Crowd”. The Numerous Voices in the Stories of I. F. Gorbunov and V. F. Lebedev. In: *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2021, no. 3, pp. 154–165.
DOI: 10.35852/2588-0144-2021-3-154-165

Received: 24.06.2021
Accepted: 12.08.2021